СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
Том 53 • № 1 • 1994

©—1994 Н. Д. ТАМАРЧЕНКО

ЭПОС И ДРАМА КАК «ФОРМЫ ВРЕМЕНИ»

(К проблеме рода и жанра в поэтике Гегеля)

Непосредственное единство «чувства и действия», «внутренних целей» и «внешних случайностей» в эпосе (эпопее), по Гегелю, выражает «идеальное состояние мира». Драматическое же произведение осуществляет тождество мира или индивида самим себе в противовес реальному распаду их цельности в условиях «прозаического порядка вещей» и поэтому представляет собой «идеальное действие». Таковы две эстетические нормы или два исторических варианта структуры поэтического образа, воплощающей тождество идеи самой себе и своему явлению, т. е. «идеал». Принцип тождества объясняет значение Гегеля для последующей научной поэтики в России (Потебня, Веселовский, формалисты, Бахтин).

According to Gegel, direct unity of «sense and action», «inner purposes» and «outer chances» in epic literature conveys «the ideal state of the world». Drama offers identity of the world or to their disintegration in real life and therefore it represents «an ideal action». Such are two aesthetic norms or two historical varieties of the poetic image, emboding the identity of the idea to itself and its conception, that is to say, «the ideal». The principle of identity explains Gegel's importance for the development of poetics in Russia (Potebnja, Veselovskij, formalists, Bachtin).

Предлагаемая работа посвящена именно поэтике Гегеля, т. е. его учению о сущности поэзии как искусства слова — в ее отличии от других видов искусства, о словесном художественном произведении и его типах — литературных родах и жанрах. Это учение, конечно, представляет собой часть гегелевской философской эстетики. Следует ли в таком случае идти от общей характеристики целого к более подробному рассмотрению его части, учитывая при этом также сравнительно большую изученность эстетики Гегеля, т. е. идти от более к менее исследованному?

Несмотря на очевидные преимущества такого пути, на его простоту и обоснованность, мы вынуждены от него отказаться. Прежде всего потому, что взаимосвязь поэтики и эстетики у Гегеля совершенно не адекватна обычной, чисто количественной, трактовке соотношения целого и части. Обратимся к тому месту «Введения» в «Лекциях по эстетике», где автор отделяет предмет этой дисциплины от предмета других наук. Мы имеем в виду начало третьего пункта «Введения», который называется «Понятие прекрасного в искусстве». Здесь, в частности, сказано: «Но так как мы исходим из *искусства*, его понятия и реальности и не собираемся рассматривать то, что предшествовало искусству и содержится в понятии последнего, то для нас искусство как особый научный предмет имеет предпосылку, лежащую за пределами нашего исследования и составляющую по своему содержанию предмет другой философской дисциплины» [1, т. 1, с. 30]. Ясно, что в методологическом отношении наша проблема и вопрос, рассматриваемый Гегелем, идентичны.

Отвечая на вопрос о части и целом, философ апеллирует к структуре вселенной, которой и должна соответствовать структура знания. Этому требованию отвечает, с его точки зрения, вся совокупность философских наук, обладающая внутренним единством. Поэтому если «лишь вся философия есть познание вселенной как *единой* органической целостности, которая развивается из своего собственного понятия и, возвращаясь в себя в силу содержащейся в ней необходимости стать целым, смыкается с собою как *единый* мир истины», то «на вершине этой необходимости каждая отдельная часть есть столь же возвращающийся в себя